

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ тратила Волга свои богатейшие силы на разрыв берегов, образование своей дельты. И вот теперь Волга — великая русская река — преобразовывается советским человеком.

Мы не можем представить Неву без Ленинграда, без гранитных берегов, без мостов, так и Волга сейчас в нашем представлении неразделима с Горьковской, Куйбышевской, Сталинградской ГЭС.

Молодая красота Волги — это дышащая новая жизнь. И она, эта красота, была бы невозможной без плотин, плотов, чаш-водохранилищ, без каскада электрических станций.

Хороша Волга ночью! Огни «Сталинградгидростроя» — стройки коммунизма — отсветами в воде и зарницами в небе видны на большом расстоянии.

Индустриальный пейзаж котлована Сталинградской ГЭС может поразить воображение даже бывшего человека.

Помните, ночью котлован показался мне перевёрнутой бездонным небом, в глубокую котловину множество звезд. Это шла электросварка металлических конструкций.

В Сталинграде мне довелось видеть, как строители самоотверженно трудились в ураганный ветер, рвавший провода, валивший столбы, деревянные ограды. В окнах верхних этажей, обрамленных на запад, ураган вдавливал стекла. А люди продолжали работать...

ВОЛГА будет скоро перекрыта. Гигантская плотина протянется через основное русло и большую часть поймы реки. По плотине откроется движение электропоездов, и два города, на двух берегах — Сталинград и Волжский — окажутся рядом.

Перейдя реку, мы садимся в местный автобус и мчимся в Волжский — самый молодой город на Волге. Он возникает неожиданно. От капитального здания управления расходится веерообразно три широких заасфальтированных проспекта.

А вот и дворец, созданный молодежью. Он выходит красивым фасадом на площадь.

Здесь живут строители ГЭС — в городе, созданном своими руками, в городе со стадионами, парками, скверами, кинотеатрами, Дворцом культуры, детскими садами, яслями.

Вспоминается, что в дни пуска Куйбышевской ГЭС сталинградцы прислали друзьям приветствие, в котором сказали, что принимают от них эстафету.

Замечательная эстафета гидростроителей началась много лет назад на реке Волгове, где строилась Волховская ГЭС. Затем она была подхвачена на Днепре строителями Днепротреста. Наброя темпы, эстафета перешла на Волгу. Одна за другой вступали в строй новые гидростроительские станции и водохранилища — Иваньковское, Угличское, Рыбинское, Горьковское, Куйбышевское...

Нынешний начальник «Сталинградгидростроя» Герой Социалистического Труда А. Александров, его заместитель В. Баташев, знаваторщики, инженеры, прорабы пришли сюда с

«Куйбышевгидростроя». А до этого многие из них работали на строительстве Волго-Дона.

Знакомимся с главным инженером управления арматурно-сварочных работ Б. Саркисовым. Саркисов — не молодой человек, но он полон юношеского пыла, темперамента.

Инженер показывает нам свое «хозяинство».

— Видите, на ночных работах в котловане почти не видно людей? Ощущение пустоты? Но по укладке бетона ночная смена не уступает дневной и нередко укладывает даже больше!

Особенность «Сталинградгидростроя» — индустриальные методы стройки.

В кабинете руководителя гидромеханизационных работ — пульт. На нем — зеленые огоньки, они показывают, сколько земснарядов работает. Входит молодой человек высокого роста. Больше шага. Широкая улыбка.

Это инженер Николай Алексеевич Лопатин. Первую страницу своего биографического листа он открыл в Азербайджане как руководитель намыва высокогорной плотины. Потом рыл каналы в Армении.

На строительстве Мингечаурской ГЭС с другими молодыми инженерами Лопатин вел борьбу за намыв плотины без дорогостоящей и требующей много леса эстакады.

Институт, вручивший Лопатину диплом инженера, не забывал своего воспитанника, предложил ему на время завершения задуманной научной работы место на кафедре, а воспитанник по дороге на кафедру «завернул» на «Сталинградгидрострой». Можно ли было проследовать мимо, не поработав на этой стройке коммунизма?

Четыре раза приезжал Лопатин на строительство Куйбышевской ГЭС. А теперь на «Сталинградгидрострой» он со своими «земснарядниками» уже применяет безэстакадный способ намыва плотины.

Энергия, знания, опыт — вот что определяет успех строителей Волжского каскада.

Итак, «Сталинградгидрострой» — новая ступень технического прогресса. А каков следующий этап?

Уже улетели «первые ласточки» на строительство Саратовской ГЭС. Другие мечтают о поездке на Нижне-Волжскую стройку. Есть и иные заманчивые планы...

Как известно, Волжский каскад забирает у Каспия огромное количество воды.

Волге нужны новые воды. И строители ей помогут...

Есть вариант переброски части стока северных рек — Петуры, Вычегды — в Иваньковское водохранилище, а оттуда — в Волгу, Днепр и Дон. По другому варианту осуществляется поворот течения Оби и Енисея в Среднюю Азию и сброс стока по древнему руслу Убоя — в Каспийское море.

Вот какие чудесные дали открываются на берегах Волги!

Андрей МИХАЙЛОВСКИЙ
НА СНИМКЕ: Строительство Сталинградской ГЭС ночью. Фото С. Курунина

Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР

В ЧЕРА в Москве открылась научная сессия отделений общественных наук Академии наук СССР по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР. Вице-президент Академии наук СССР академик А. В. Топчиев в своем вступительном слове подчеркнул огромную важность дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории построения коммунистического общества.

чи общественных наук» выступил академик К. В. Островитянов. Академик М. Б. Митин сделал доклад на тему «Роль марксистско-ленинской идеологии в деле построения коммунизма». Сказано открыто, мы не собирались ни поехать на кофейно-банановый бизнес этой чрезвычайно бдительной республики, ни расшатывать политические устои ее очередного, только что вышедшего из ящика правительства. Усталые после длительной поездки, собирались мы, не привлекая внимания, отдохнуть дня два у океана, чтобы под его успокаивающий шум привести в порядок дорожные записки, а потом, по рекомендации одного знакомого, съездить посмотреть крокодилов в естественных условиях. Поскольку, однако, выяснилось, что костричанские крокодилы опасаются даже зрительского контакта с советскими журналистами, а среди притока можно послушать и в других местах, мы отнеслись в высокой акции костричанского правительства весьма добродушно, не ощущая внутреннего и не выразив внешнего протеста.

В связи с гигантским ростом и усложнением практических задач коммунистического строительства перед учеными стоят многие вопросы, которые ждут дальнейшей теоретической разработки. Среди них вице-президент отметил, в частности, большую группу проблем, связанных с коммунистическим воспитанием, вопросы коммунистической морали, этики, эстетики.

С докладом «Теоретические проблемы строительства коммунизма и задачи общественного сознания» выступил академик К. В. Островитянов. Академик М. Б. Митин сделал доклад на тему «Роль марксистско-ленинской идеологии в деле построения коммунизма». Сказано открыто, мы не собирались ни поехать на кофейно-банановый бизнес этой чрезвычайно бдительной республики, ни расшатывать политические устои ее очередного, только что вышедшего из ящика правительства. Усталые после длительной поездки, собирались мы, не привлекая внимания, отдохнуть дня два у океана, чтобы под его успокаивающий шум привести в порядок дорожные записки, а потом, по рекомендации одного знакомого, съездить посмотреть крокодилов в естественных условиях. Поскольку, однако, выяснилось, что костричанские крокодилы опасаются даже зрительского контакта с советскими журналистами, а среди притока можно послушать и в других местах, мы отнеслись в высокой акции костричанского правительства весьма добродушно, не ощущая внутреннего и не выразив внешнего протеста.

С докладом «Теоретические проблемы строительства коммунизма и задачи общественного сознания» выступил академик К. В. Островитянов. Академик М. Б. Митин сделал доклад на тему «Роль марксистско-ленинской идеологии в деле построения коммунизма».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Подводная гроза и канцелярский штиль»

ПОД этим заголовком в «Литературной газете» (№ 56 от 10 мая с. г.) была напечатана статья левого канцелярщика М. Ланского о бюрократических преградах, возникших на пути использования электрогидравлического эффекта, разработанного изобретателем Л. Юткиным.

должна осуществляться, по мнению комитета, в специальной лаборатории. Реконструкция ГНТК СССР об организации такой лаборатории направлена в начале этого года Ленинградскому совнархозу.

Ниже публикуется полный текст полученного редакцией письма председателя Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР.

В настоящее время, по сообщению зампреда Ленинградского совнархоза тов. Софьянца, ленинградскими организациями выисковано помещение (площадью более 1000 кв. метров), в котором после ремонта и необходимой реконструкции разместится создаваемая лаборатория электрогидравлического эффекта.

По вопросам, затронутым в статье «Подводная гроза и канцелярский штиль», сообщая, что в Государственном научно-техническом комитете Совета Министров СССР было рассмотрено состояние работ по применению электрогидравлического эффекта.

ГНТК СССР считает, что, при условии выполнения его рекомендаций об организации в системе Ленинградского совнархоза специальной лаборатории электрогидравлического эффекта с соответствующей экспериментальной базой, будут созданы необходимые условия для определения рациональных областей применения электрогидравлического эффекта и выявления технико-экономических характеристик разрабатываемых устройств, что даст возможность принять решения о широком внедрении их в те отрасли промышленности, где это будет целесообразно.

В лаборатории электрогидравлического эффекта Ленинградского политехнического института (руководимой тов. Юткиным) показана принципиальная возможность разрушения и обработки различного рода материалов и создано несколько образцов лабораторных устройств для этой цели (дробилки, бур и пр.).

Однако их эксплуатационные характеристики в конструктивном оформлении требуют серьезной доработки, которая

Ю. МАКСАРЕВ.

КАКТУСЫ В СИРОПЕ

Николай ГРИБАЧЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЛЕДЯНЫЕ СБВОЗНЯКИ холодной войны похищают и в банановом раю тропиков — истину эту мы познали на собственном опыте. Именно они, а не пристрастие к сюжетам, ходящим на голову, выносят в начало повествования эту, в сущности говоря, заключительную главу путешествия группы советских журналистов по странам Латинской Америки — лишний довод в пользу того, что форма определяется содержанием, а не наоборот. Газеты двух континентов писали о том, как мы внезапно остались без виз в Панаме, о провокации, которую организовала против нас американская авиаконпания «Панагра», о нашей двенадцатичасовой «забастовке» посредствам оккупации. Репортажи эти соответствовали истине в ее общей форме, но не всегда отличались точностью — мы считаем полезным поставить факты на свои места, чтобы наслух организованный «маленький Тайвань» у тропиков предстал перед читателями в своем подлинном виде и значении.

Женева и на Голулу. Иногда это носило чисто символический характер, иногда это была не совсем четкая, но вполне корректная операция. В Панаме чиновники таможи набросились на нас, как материе коршуны на выловок цыплят, — они хватили из дорожных сумок и уносили в какую-то таинственную комнату пакетики пирамидона и таблеток от головной боли, огоньковские сборнички стихов, кассеты с фотопленкой, расписания скандинавской авиолинии и корреспондентские блокноты. Это были девственные таможенные джунгли. Для самолета, которым мы воспользовались: мы заявили протест, отобрали у чиновников свои сумки и сказали, что продолжать оскорбительный досмотр не позволим, отказываемся от своих транзитных виз в Панаму и, не выходя из таможи, дождемся первого самолета, с которым и покинем хорошо затопленный перешеек между Тихим и Атлантическим океанами. Чиновники смуглились.

аэродром. Представитель компании «Панагра» с подозрительным спокойствием сообщил, что в пролете через Нью-Йорк нам также отказано. — А в Буэнос-Айресе? — Там ваши визы кончились... — Тогда доставьте нас на третий спутник — больше нам ничего не остается... — Ваш спутник, — сами и добираться... На мгновение установилась связь с советским посольством в Мехико — самым близким к нам на всем земном шаре. В полдень, через экватор и два тропика, услышали ободряющий голос из посольства в Буэнос-Айресе: «Детице к вам, визы обеспечены». Мы, по правде говоря, полюбили энергичных и веселых работников этого посольства, безусловно верили им, но этого было вовсе недостаточно для дельцов компании «Панагра». Они категорически отказались продать нам билеты в Буэнос-Айресе и предложили «встретный» план:

Сорок три дня путешествия по Аргентине, Уругваю и Чили, несмотря на то, что там наступала зима и вольф тротуаров текли желтые ручьи опавшей листвы, а пальма лежала буря, как овца перед стрижкой, согрели нас теплом дружеских встреч и укрепили в чувствах доброжелательности, с которой мы приехали в страны Латинской Америки. Мы присутствовали при передаче власти президенту Фрондиси и в президентском Буэнос-Айресе, а президент Чили Карлос Ибаньес дель Кампо сказал нам: «Мой дом — ваш дом». Фраза эта, как мы убедились впоследствии, не была только холодной формулой официальной вежливости, а предвещала подлинное и искреннее гостеприимство. Мы дискутировали и пели песни с журналистами, за полночь засиделись в беседах с писателями и деятелями искусства, по многу часов откровенно отвечали на вопросы на многотрудных форумах, ездили на фабрики и шахты, к фермерам и рыбакам. И повсюду — от берегов Ла-Платы до снежнотоповых Анд, от желтых пустынь Антофагасты до дымящихся вулканов у Темую — мы наблюдали активизацию демократических сил, жажду социальных познаний и глубокий, неподдельный интерес к Советской стране. Один из нью-йоркских журналистов в тонах плохо скрывающейся тревоги писал, что Латинская Америка пробуждается. Но сказать «доброе утро» он забыл, — может быть, потому, что сам познавал эту истину под грохот бомбей, бомбардировавших машину Никсона во время его поездки по Южной Америке. У нас не было неприятных ассоциаций такого рода, хотя наши пути и пути американского вице-президента порой и пересекались.

Около часа мы рассматривали друг друга через таможенный барьер, как противники через баррикаду. Затем завязались переговоры, сперва опасливые, потом пооткровеннее. Один из таможенников сказал, что все нам сочувствуют, но предупреждения о нашем прибытии, получили специальный приказ... «Чей?». Вопрос остался без ответа. Считая, что в создавшихся условиях и полукротковенность — почти доблесть, украшающая человека, мы подарили им советские значки и альбомы с видами Москвы. Сложный узел формальных и психологических противоречий был внезапно разрушен начальником протокола панамского МИД сенатором Леви. Высокий и полный, с добродушно обозначившимся бровками и залучившим черными глазами, он появился в антракте сражения, как ангел мира. В аэропорту он попал случайно, — провожал знакомого, — но, узнав о конфликте, выяснил подробности и, отлучившись минут на пять, сообщил, что министр иностранных дел Панамы выразил сожаление о случившемся, что мы можем взять без дальнейшей оговорки не только дорожные сумочки, но и чемоданы, устранившиеся в отеле и по собственному усмотрению осматривать город. Поскольку у нас есть фотоаппараты, можем и фотографировать.

«Легите в Перу. — Но туда у нас также нет виз. — Оттуда отправим в Рио-де-Жанейро... — Но в Рио-де-Жанейро виз у нас тоже нет...» Представитель «Панагры» посмотрел на часы: — Здесь ваши транзитные визы также кончатся через двенадцать часов, и тогда... Он не договорил, но мы поняли, что означает это «тогда». Однако от плана «Панагры» категорически отказались. В комнате, куда нас поместили, работала система охлаждения, мы мерзли, кутаясь в пальто, а в трех шагах, за зеркальным стеклом окна, извивались от зноя зеленые холмы. Работники аэропорта, отняв у нас сумочки, открыли доступ в ресторан на втором этаже, но в проходе на всякий случай дежурили полицейские, молодые парни в новенькой форме с золотыми украшениями. Кто-то решил сходить посмотреть оставленные в порту чемоданы и принес горсть осыпавшихся замков: накануне, днем, пока мы осматривали город, чемоданы были грубо взломаны и перерезаны, вещи похвачены дьяком, коробки с киноплёнкой брошены открытыми. Это было вопиющее нарушение международных правил транзита, но мало квалифицированные взломщики, очевидно, не признавали никаких законов, кроме закона джунглей. Мы показали осыпавшиеся замки чиновнику таможи: «Панамские сувениры!». Чиновники были удручены, смотрели на нас со смущением, а потом один сказал доверительно: «Эта работа «Панагра». Мы показали замки представителю «Панагры» — те показали плечами: «Таможняк». Истина выяснилась к вечеру — вещи взломала и перерезала тайная американская полиция зоны канала.

Вот почему в полдень одиннадцатого июня мы покидали Сант-Яго, столицу Чили, в окружении хороших друзей и в хорошем настроении. Наш путь лежал в Панаму, Коста-Рику и Мексика.

Вот почему в полдень одиннадцатого июня мы покидали Сант-Яго, столицу Чили, в окружении хороших друзей и в хорошем настроении. Наш путь лежал в Панаму, Коста-Рику и Мексика.

Вот почему в полдень одиннадцатого июня мы покидали Сант-Яго, столицу Чили, в окружении хороших друзей и в хорошем настроении. Наш путь лежал в Панаму, Коста-Рику и Мексика.

Мы еще не знали, что входим в толосу хорошо заплаченных нежданностей.

Мы еще не знали, что входим в толосу хорошо заплаченных нежданностей.

Мы еще не знали, что входим в толосу хорошо заплаченных нежданностей.

За тридцать минут до отлета, прямо в аэропорту, нам сообщили, что правительство Коста-Рики аннулировало свои визы, уже записанные в наши паспорта. Своеобразие этого акта состояло не только в том, что он был приурочен к самому отлету, но и в том, что сообщение было сделано не через официального представителя костричанской дипломатии, каковой в Сант-Яго имеется, а через авиационную компанию «Панагра». Превращение американских авиакомсантов в ходатаев по делам костричанской дипломатии не столько нас огорчило, сколько удивило, живо напоминая причудливые повествования О'Генри «Короли и капуста». Сказано открыто, мы не собирались ни поехать на кофейно-банановый бизнес этой чрезвычайно бдительной республики, ни расшатывать политические устои ее очередного, только что вышедшего из ящика правительства. Усталые после длительной поездки, собирались мы, не привлекая внимания, отдохнуть дня два у океана, чтобы под его успокаивающий шум привести в порядок дорожные записки, а потом, по рекомендации одного знакомого, съездить посмотреть крокодилов в естественных условиях. Поскольку, однако, выяснилось, что костричанские крокодилы опасаются даже зрительского контакта с советскими журналистами, а среди притока можно послушать и в других местах, мы отнеслись в высокой акции костричанского правительства весьма добродушно, не ощущая внутреннего и не выразив внешнего протеста.

Вот почему в полдень одиннадцатого июня мы покидали Сант-Яго, столицу Чили, в окружении хороших друзей и в хорошем настроении. Наш путь лежал в Панаму, Коста-Рику и Мексика.

Вот почему в полдень одиннадцатого июня мы покидали Сант-Яго, столицу Чили, в окружении хороших друзей и в хорошем настроении. Наш путь лежал в Панаму, Коста-Рику и Мексика.

Остатки тридцати минут мы употребили на прощание с многочисленными друзьями и знакомыми, приехавшими проводить нас.

Остатки тридцати минут мы употребили на прощание с многочисленными друзьями и знакомыми, приехавшими проводить нас.

Остатки тридцати минут мы употребили на прощание с многочисленными друзьями и знакомыми, приехавшими проводить нас.

До самого заката справа у крыла самолета двигался горный хребет, белый у вершин и каштановый у подножий, а слева — лесистая, испещренная пещерой синева океана. Под вечер горы ушли в синеву, океан, решив основательно вздремнуть, натянул до подбородка серое, жарко застывшее одеяло облаков. Ночью мы пролетели через Перу и на восходе солнца вышли на морской, дымящийся после дождя аэродром Панамы. Банная, расслабляющая теплота поднималась от бетонных плит, вера пальм были недвижны, по невысоким обрубкам горам с буйной растительностью переливался голубоватый туман. Это была романтика и лирика вечного лета, она вывала о медлительных строкх гекзаметра, томных метафорах и знойно-экзотических рифмах.

До самого заката справа у крыла самолета двигался горный хребет, белый у вершин и каштановый у подножий, а слева — лесистая, испещренная пещерой синева океана. Под вечер горы ушли в синеву, океан, решив основательно вздремнуть, натянул до подбородка серое, жарко застывшее одеяло облаков. Ночью мы пролетели через Перу и на восходе солнца вышли на морской, дымящийся после дождя аэродром Панамы. Банная, расслабляющая теплота поднималась от бетонных плит, вера пальм были недвижны, по невысоким обрубкам горам с буйной растительностью переливался голубоватый туман. Это была романтика и лирика вечного лета, она вывала о медлительных строкх гекзаметра, томных метафорах и знойно-экзотических рифмах.

До самого заката справа у крыла самолета двигался горный хребет, белый у вершин и каштановый у подножий, а слева — лесистая, испещренная пещерой синева океана. Под вечер горы ушли в синеву, океан, решив основательно вздремнуть, натянул до подбородка серое, жарко застывшее одеяло облаков. Ночью мы пролетели через Перу и на восходе солнца вышли на морской, дымящийся после дождя аэродром Панамы. Банная, расслабляющая теплота поднималась от бетонных плит, вера пальм были недвижны, по невысоким обрубкам горам с буйной растительностью переливался голубоватый туман. Это была романтика и лирика вечного лета, она вывала о медлительных строкх гекзаметра, томных метафорах и знойно-экзотических рифмах.

Но она позабыла, какой на улице век. Через десять минут она была убита и предана земле без надгробного слова.

Но она позабыла, какой на улице век. Через десять минут она была убита и предана земле без надгробного слова.

Но она позабыла, какой на улице век. Через десять минут она была убита и предана земле без надгробного слова.

Это случилось в таможе.

Это случилось в таможе.

Это случилось в таможе.

Мы проходили досмотры в Париже и Стокгольме, Нью-Йорке и Мельбурне, в

Мы проходили досмотры в Париже и Стокгольме, Нью-Йорке и Мельбурне, в

Мы проходили досмотры в Париже и Стокгольме, Нью-Йорке и Мельбурне, в

Женева и на Голулу. Иногда это носило чисто символический характер, иногда это была не совсем четкая, но вполне корректная операция. В Панаме чиновники таможи набросились на нас, как материе коршуны на выловок цыплят, — они хватили из дорожных сумок и уносили в какую-то таинственную комнату пакетики пирамидона и таблеток от головной боли, огоньковские сборнички стихов, кассеты с фотопленкой, расписания скандинавской авиолинии и корреспондентские блокноты. Это были девственные таможенные джунгли. Для самолета, которым мы воспользовались: мы заявили протест, отобрали у чиновников свои сумки и сказали, что продолжать оскорбительный досмотр не позволим, отказываемся от своих транзитных виз в Панаму и, не выходя из таможи, дождемся первого самолета, с которым и покинем хорошо затопленный перешеек между Тихим и Атлантическим океанами. Чиновники смуглились.

Женева и на Голулу. Иногда это носило чисто символический характер, иногда это была не совсем четкая, но вполне корректная операция. В Панаме чиновники таможи набросились на нас, как материе коршуны на выловок цыплят, — они хватили из дорожных сумок и уносили в какую-то таинственную комнату пакетики пирамидона и таблеток от головной боли, огоньковские сборнички стихов, кассеты с фотопленкой, расписания скандинавской авиолинии и корреспондентские блокноты. Это были девственные таможенные джунгли. Для самолета, которым мы воспользовались: мы заявили протест, отобрали у чиновников свои сумки и сказали, что продолжать оскорбительный досмотр не позволим, отказываемся от своих транзитных виз в Панаму и, не выходя из таможи, дождемся первого самолета, с которым и покинем хорошо затопленный перешеек между Тихим и Атлантическим океанами. Чиновники смуглились.

Женева и на Голулу. Иногда это носило чисто символический характер, иногда это была не совсем четкая, но вполне корректная операция. В Панаме чиновники таможи набросились на нас, как материе коршуны на выловок цыплят, — они хватили из дорожных сумок и уносили в какую-то таинственную комнату пакетики пирамидона и таблеток от головной боли, огоньковские сборнички стихов, кассеты с фотопленкой, расписания скандинавской авиолинии и корреспондентские блокноты. Это были девственные таможенные джунгли. Для самолета, которым мы воспользовались: мы заявили протест, отобрали у чиновников свои сумки и сказали, что продолжать оскорбительный досмотр не позволим, отказываемся от своих транзитных виз в Панаму и, не выходя из таможи, дождемся первого самолета, с которым и покинем хорошо затопленный перешеек между Тихим и Атлантическим океанами. Чиновники смуглились.

Около часа мы рассматривали друг друга через таможенный барьер, как противники через баррикаду. Затем завязались переговоры, сперва опасливые, потом пооткровеннее. Один из таможенников сказал, что все нам сочувствуют, но предупреждения о нашем прибытии, получили специальный приказ... «Чей?». Вопрос остался без ответа. Считая, что в создавшихся условиях и полукротковенность — почти доблесть, украшающая человека, мы подарили им советские значки и альбомы с видами Москвы. Сложный узел формальных и психологических противоречий был внезапно разрушен начальником протокола панамского МИД сенатором Леви. Высокий и полный, с добродушно обозначившимся бровками и залучившим черными глазами, он появился в антракте сражения, как ангел мира. В аэропорту он попал случайно, — провожал знакомого, — но, узнав о конфликте, выяснил подробности и, отлучившись минут на пять, сообщил, что министр иностранных дел Панамы выразил сожаление о случившемся, что мы можем взять без дальнейшей оговорки не только дорожные сумочки, но и чемоданы, устранившиеся в отеле и по собственному усмотрению осматривать город. Поскольку у нас есть фотоаппараты, можем и фотографировать.

Около часа мы рассматривали друг друга через таможенный барьер, как противники через баррикаду. Затем завязались переговоры, сперва опасливые, потом пооткровеннее. Один из таможенников сказал, что все нам сочувствуют, но предупреждения о нашем прибытии, получили специальный приказ... «Чей?». Вопрос остался без ответа. Считая, что в создавшихся условиях и полукротковенность — почти доблесть, украшающая человека, мы подарили им советские значки и альбомы с видами Москвы. Сложный узел формальных и психологических противоречий был внезапно разрушен начальником протокола панамского МИД сенатором Леви. Высокий и полный, с добродушно обозначившимся бровками и залучившим черными глазами, он появился в антракте сражения, как ангел мира. В аэропорту он попал случайно, — провожал знакомого, — но, узнав о конфликте, выяснил подробности и, отлучившись минут на пять, сообщил, что министр иностранных дел Панамы выразил сожаление о случившемся, что мы можем взять без дальнейшей оговорки не только дорожные сумочки, но и чемоданы, устранившиеся в отеле и по собственному усмотрению осматривать город. Поскольку у нас есть фотоаппараты, можем и фотографировать.

Около часа мы рассматривали друг друга через таможенный барьер, как противники через баррикаду. Затем завязались переговоры, сперва опасливые, потом пооткровеннее. Один из таможенников сказал, что все нам сочувствуют, но предупреждения о нашем прибытии, получили специальный приказ... «Чей?». Вопрос остался без ответа. Считая, что в создавшихся условиях и полукротковенность — почти доблесть, украшающая человека, мы подарили им советские значки и альбомы с видами Москвы. Сложный узел формальных и психологических противоречий был внезапно разрушен начальником протокола панамского МИД сенатором Леви. Высокий и полный, с добродушно обозначившимся бровками и залучившим черными глазами, он появился в антракте сражения, как ангел мира. В аэропорту он попал случайно, — провожал знакомого, — но, узнав о конфликте, выяснил подробности и, отлучившись минут на пять, сообщил, что министр иностранных дел Панамы выразил сожаление о случившемся, что мы можем взять без дальнейшей оговорки не только дорожные сумочки, но и чемоданы, устранившиеся в отеле и по собственному усмотрению осматривать город. Поскольку у нас есть фотоаппараты, можем и фотографировать.

«А канал? — Канал — это зона. Она не в нашей компетенции...»

«А канал? — Канал — это зона. Она не в нашей компетенции...»

«А канал? — Канал — это зона. Она не в нашей компетенции...»

До обеда мы осматривали город. После обеда местные журналисты устроили нам поездку на канал. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что канал интересен с точки зрения исторической и географической. В техническом отношении он, вероятно, ничем особенным не выделяется — Волго-Донской, по которому проежают тысячи экскурсантов с фотоаппаратами, длиннее, сложнее и современнее. Что касается Панамы, то это вполне современный город на берегу залива, в котором, словно на синей стальной подставке, стоят удивенные отражением десятки рыбачьих шхун. Из современных зданий выделяется корпус университета, где совсем недавно бушевали студенческие волнения, несколько отелей и вилл. Зеленые окранны на холмах застроены коттеджами, оплетены колючей проволокой и прегрест предупреждениями: «Частные владения. Вход запрещен». В центре города, словно живой музей, расположились негритянские кварталы — двухэтажные хижинки из тонких, покоробливших досок и бревен. Сквозь щели просматриваются внутренности этих берлог, — другое название подобать трудно, — наеленные многочисленными, вездь кишат почти раздетые дети и полуодетые мужчины и женщины. Мороз в один градус опустошила бы этот район в одну ночь, но здесь морозов не бывает. Шедер, который вел нас по этим кварталам, испытывал по-человечески понятное смущение и, на наш взгляд, напрасно: Баури и Гарлем в Нью-Йорке относительно ничуть не лучше, а ведь Нью-Йорк богатейший и крупнейший город мира. При этих условиях Панаме достояна понимания и сочувствия.

До обеда мы осматривали город. После обеда местные журналисты устроили нам поездку на канал. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что канал интересен с точки зрения исторической и географической. В техническом отношении он, вероятно, ничем особенным не выделяется — Волго-Донской, по которому проежают тысячи экскурсантов с фотоаппаратами, длиннее, сложнее и современнее. Что касается Панамы, то это вполне современный город на берегу залива, в котором, словно на синей стальной подставке, стоят удивенные отражением десятки рыбачьих шхун. Из современных зданий выделяется корпус университета, где совсем недавно бушевали студенческие волнения, несколько отелей и вилл. Зеленые окранны на холмах застроены коттеджами, оплетены колючей проволокой и прегрест предупреждениями: «Частные владения. Вход запрещен». В центре города, словно живой музей, расположились негритянские кварталы — двухэтажные хижинки из тонких, покоробливших досок и бревен. Сквозь щели просматриваются внутренности этих берлог, — другое название подобать трудно, — наеленные многочисленными, вездь кишат почти раздетые дети и полуодетые мужчины и женщины. Мороз в один градус оп

НА АВТОМАГИСТРАЛЯХ

В УДОБНОМ, мягком кресле автобуса с восхищением наблюдаешь за спидометром. Его стрелка замерла на полпути между делениями «90» и «100». Лишь изредка она отклоняется слегка то в правую, то в левую сторону. Между тем в плавном мчании тридцатидвухместного автобуса скорость совсем не ощущается.

Проливной дождь застилает путь. Проектор над кабиной водителя с трудом прорезает заснеженные сумерки. Ветер зло стучится в смотровое стекло слезящейся капелью. Но в комфортабельном «ЗИЛ-127» тепло, светло, уютно. Шестая этажерка занавески на окнах, пушистая дорожка в проходе. Приглушенно льются звуки музыки. Полулежа на откидных спинках, пассажиры дремлют, убаюканные мерным движением, другие слушают радио.

Круглый год в любую погоду сотни таких «голубых экспрессов», тысячи автобусов других марок и расцветок днем и ночью «плывут» по далам бесконечных асфальтовых «рек» страны.

Междугородные пассажирские автопоездки сравнительно недавно, но широко и прочно вошли в нашу жизнь. Сейчас немалым представителем советской транспортной системы являются автобусы зимней машины, колесящие по просторам юга и севера, запада и востока. Между тем до 1950 года, кроме межкурортных и внутриобластных линий, дальних пассажирских рейсов почти не было. Пятая пятая страна для них фактически первая. А к концу прошлого года действовало уже более трех тысяч регулярных междугородных маршрутов.

Для автобусного сообщения характерна частота движения. Летом, например, из Москвы в Тулу машины отправляются через каждые 30—40 минут, из Ростова в Новочеркасск — почти каждый час. По большинству маршрутов, связывающих Москву с другими городами, прямыми автобусами отправляется больше, чем поездов.

Это подлинно народный по своему характеру транспорт. Его услугами пользуются широкие круги населения. Просторы, на которые выходят автобусы, расширяются чуть ли не с каждым днем. Промышленность увеличивает выпуск отличных, приспособленных к дальним поездкам машин.

Но как используются возможности и специфические особенности этого транспорта?

У БЕЛУРОССКОГО ВОКЗАЛА стоит готовый к рейсу Москва — Минск годовой экспресс. Тоскливо чувствует себя в нем два одиноких пассажира. Водитель бродит по вокзалу, «вербует» пополнение. В гараже с них спрашивают «план», и потому приходится заниматься несвойственными и весьма неприятными функциями. На вопросы отгадываются неохотно. Часто звучит в ответ:

— Спасибо, ездил, больше не хочу...
— А до Орши доведете?.. На трассе скинете?.. Нет уж, лучше поездом...

С трудом, часа за два, водителем удалось заполнить «ЗИЛ-127» примерно на одну треть. Автобус тронулся. Впереди — семисоткилометровый путь, почти пол-

сутки езды. Нелегко этот путь. Некоторые пассажиры не успели в спешке поспать, но по всей дороге они не встретят ни одного буфета, ни одного ларька. Автобус тормозит. Гжатск. Пассажиры выходят, но ничего, кроме сиротливого столбика с наименованием города на разграбленной табличке, не видно. Вязьма, Сафоново, Ярцево, Орша, Борисов... Та же грустная, малоприятная картина. Только в Смоленске автобус свернул с дороги и глубокой ночью подъехал к городскому вокзалу. Образованные пассажиры выжили из буфета, но без перронного билета их туда не пустили. А когда приобрели билеты, оказалось, что буфет закрыт...

Но один год водят автобусы по этой трассе Иван Абрамович Рыбакин и Юрий Васильевич Глыбкин. Любуясь в пути их мастерством, заботой, чтоб ни один толчок не обеспокоил пассажиров. С большой горечью говорят водители о порядках на трассе, о бесконечных жалобах пассажиров на отсутствие минимальных дорожных удобств.

Характерная деталь: водители, совершившие сотни поездок на этой трассе, не помнят случая, когда в пути хотя бы один пассажир сел в машину. А ведь на трассе немало городов, предпрятий, колхозов, совхозов. Но кто же решится ночью — автобусы здесь ходят только по ночам — пойти за несколько километров от жилья на дорогу, где в темноте не разыщешь и столбика? А если найдешь, то надо гадать: будет ли автобус, возьмет ли пассажира?

МОСКВА—ХАРЬКОВ—самая оживленная магистраль страны. Днем и ночью текут бесконечные потоки по шоссе, связывающему центральные области с Украиной, Северным Кавказом, Крымом, Грузией. Дорога пересекает шесть областей...

Большая группа экскурсантов не первый час ожидает на трассе в Ясной Поляне автобус на Москву. За это время уже проехали два полуторные машины, но обратив внимания на приметные сигналы ожидающих. Третья удалось остановиться, в ней было много свободных мест. И все же автобус прогудел дальше, а пассажиры остались на месте...

Винить в этой нелепости шофера нельзя. Если бы он взял пассажиров, то мог бы разделить участь своих коллег — водителя московского автохозяйства коммуниста Федора Ильича Жорина и Кирилла Ивановича Негина, отстраненных от вождения машин на три месяца.

Дело в том, что Министерство автомобильного транспорта и шосейных дорог РСФСР изыало у водителей билеты, которые прежде они продавали пассажирам там, где нет касс. А нет их не только в Ясной Поляне, но в десятках других населенных пунктов этой, да и не только этой, трассы. Теперь пассажиры могут попасть в автобус лишь в определенных местах, где есть павильоны с кассами.

— Поезда же во всю останавливаются и не веде берут пассажиров, — сказал мне, оправдывая подобную систему, заместитель министра А. Куршев.

Неудивительно звучит эта мотивировка! Ведь автобусные маршруты обычно проходят там, где нет поездов, через отдаленные от главных магистралей города и села. Этот вид транспорта мобильнее, чем любой другой. Бесспорно, не всякий поезд останавливается на полустанке, хотя и ждут его там пассажиры, но автобус, располагающий свободными местами, нам кажется, обязан забрать и экскурсантов, и любых других пассажиров.

Только по Москве ежедневно отправляются на юг двадцать два дальних автобуса, не меньше следует и в столицу. На отдельных участках трассы в обе стороны движутся тульские, орловские, курские, белгородские, харьковские машины. Они перевозят тысячи пассажиров в сутки. Но и на этой, никак не пустынной автомагистрали, так

же как на минской, отсутствуют малейшие знаки внимания к человеку, збота о пассажирах.

В Серпухове, Туле, Орле, Курске имеются автовокзалы. Они напоминают прежде захудалые железнодорожные станции. Будущие пассажиры в ожидании машин, в облаках табачного дыма, под хлоп репродукторов, толпятся у касс, спят на скамейках, сидят на мешках и чемоданах, перематывают с ноги на ногу. Есть и буфеты. В них вода, банка консервов, высушенная пастила и шампанское. От Москвы до Харькова только в Туле и Мценске имеются комнаты, где можно умыться, привести себя в порядок...

В остальных пунктах нет и таких удобств. Даже там, где есть автопавильоны, диспетчерские, кассы, люди ждут машин под открытым небом или в грязных тесных хибарках, громко именуемых «залами ожидания». Ждут, не зная, будет ли автобус, есть ли места.

Автобусы, пожалуй, единственный вид транспорта, работающий без связи. Диспетчеры не знают, вышла машина из конечного или соседнего пункта или нет, стоит ли она, ожидая технической помощи, или движется, сколько в ней свободных мест...

КАК И ЛЮБОЙ ДРУГОЙ транспорт, автобусное сообщение представляется нам большим, сложным, разнообразным хозяйством. Оно требует четкой организации, оперативного руководства, слаженности всех многочисленных звеньев, технического совершенства, безотказной связи, внимания к экономическим вопросам. И, конечно, умения видеть завтрашний день, своевременно к нему готовиться.

Но этого нет. Как тогда, когда создавались первые линии, так и теперь, когда их множество, когда пассажирский транспорт стал вторым по удельному весу после железнодорожного, он находится на положении подсобного.

...Проезжая вечером по Ярославлю в Москву, я увидел в некраевском селе Карабихе одинокую фигуру человека, отчаянно махавшего нам рукой. Машина пронеслась мимо, и еще долго вдали немы узором маячила фигура человека на дороге.

Пора, наконец, автобусному междугородному транспорту занять достойное место в обслуживании пассажиров.

ЛеоНид ЛУБАН, специальный корреспондент «Литературной газеты»
МОСКВА—РОСТОВ—МИНСК—ЯРОСЛАВЛЬ

«Я вижу ваше будущее...»

СТАРЕШИА ПИСАТЕЛЬНИЦА — МОЛОДЫМ УЧИТЕЛЯМ

Ленинградский институт имени А. И. Герцена — старейший и крупнейший педагогический вуз страны.

В этом году институт дает стране свыше 1500 молодых учителей. В радостный день вступления в самостоятельную жизнь выпускники получили приветствие старшей советской писательницы Ольги Форш. В приветствии говорится:

«Мои дорогие друзья! Вперед по жизни. Это различие не только в количестве лет, это различие в опыте жизни. И вот через толщу десятилетий и вижу ваше будущее. Оно прекрасное: вы доверно воспитание поколения, которому предстоит счастливый труд у нас в коммунистическом обществе. Вперед, трудные и ответственные задачи доверяю вам плечи. Но вы молодые, эти плечи, они выдержат, и ваш поход в большую жизнь ознаменуется яркой победой.

Каждый из вас явится как солдат культурной армии на земли Крайнего Севера и на Дальний Восток, в Сибирь и Нахалстан. Много света, много простора у вас впереди. Так будьте же достойны доверия, которое оказывает вам комсомол, страна.

С сердечным приветом
Ольга Форш.

Приветственную телеграмму прислал молодым учителям депутат Верховного Совета СССР, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Н. С. Тихонов.

Л. М. Леонов говорил, что в Карпатах лесные беспорядки вызваны какими-то «невьясенными силами». Однако при более пристальном рассмотрении эти силы имеют свой образ, адрес и даже фамилию.

В прошлом году при Совете Министров Украины было созвано совещание лесоводов и лесозаготовителей. Совещанию предстояло обсудить вопрос о более рациональной и научно обоснованной эксплуатации и возобновлении лесов, в том числе горных. На этом совещании некоторые республиканские работники высказали мысль о том, что в Карпатах нужно... усилить заготовку леса. Это удивило участников совещания. Они, наоборот, выступили за прекращение хищнического истребления лесов, за целесообразность вырубкой бун и пихтовых насаждений только зимой. Было неоспоримо доказано, что сохранять и приумножить горные леса можно, только покончив с губительной системой сплошных вырубок.

Все эти жизненно важные пожелания были, однако, дальнейшими «мероприятиями» сведены на нет. Несмотря на гневные протесты лесоводов и ученых, руководителем комиссии по рассмотрению и утверждению правил рубок был назначен бывший министр лесной промышленности Украины тов. Вотичнев, тот самый Вотичнев, который в свое время, руководя Станиславским трестом лесной промышленности, истребил горные леса Станиславщины и то же самое продолжал делать в Закарпатье уже на посту министра. На помощь Вотичневу был прикомандирован десятый «референт», ратовавших, как и он, за метод сплошных, круглогодичных вырубок в горных лесах вместо постепенных и выборочных.

Таким образом, истребители карпатских лесов нашли себе покровителей! В ПОДПИСАННОМ 5 апреля 1918 года В. И. Ленинным обращении Совета Народных Комиссаров ко всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ук-

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. СЕРАФИМОВИЧА

В ИЮЛЕ выйдет первый том нового собрания сочинений А. Серафимовича, редактированного Г. Штерном. В новом издании читатели найдут несколько малоизвестных и вовсе неизвестных художественных произведений, рассказы «Из мельницы», «Напоминания», «Счастье», «Мурлыки», «Летние», «Вечерние», «Раннее», «Собрание сочинений». Это издание, в частности, выдвигает писателя, относящегося к 1909 году, по поводу модернистских тенденций в литературе: «Истинка, уродливо насаждаемая модернистами, и злобности индивидуализма чудны русскому народу, чудны и русской литературе. Неотъемлемым достоянием ее останется реализм, но реализм, углубленный синтезом. Да, русская литература пойдет своим путем, пойдет со своим лицом, которое ей дала судьба и родина, а не будет жалко копировать зарубежные образцы».

Значительно полнее будет представлена журналистская деятельность А. Серафимовича, регулярный сотрудник крупнейших газет юга России, в девятисотых годах — в «Минском курьере», а с первых дней революции — в «Правде» и «Известиях». Большое значение для характеристики творчества личности А. Серафимовича имеет эпистолярное наследие. Впервые будут напечатаны его письма к Г. Успенскому, В. Короленко, М. Горькому и другим.

Издание будет осуществлено в течение двух лет. Четвертый том выйдет в этом году. В 1 том входят рассказы 1889—1901 гг., среди которых — малоизвестные «Назнази», «Штор», а также газетные очерки, фельетоны и корреспонденции. Все издание будет состоять из семи томов.

«Народні оповідання»

К столетию со времени опубликования книги Марка Вовчка

Имя Марко Вовчок пользуется заслуженной популярностью в нашей стране и за ее пределами. Писатель, и творчество замечательной писательницы, выступавшей под этим псевдонимом, исполнены глубокого очарования и не побоялись временем внутренней красоты и силы.

В ее рассказах, повестях и романах глубоко гуманистическое отношение к угнетенным народным массам сочетается с плототворными идеями братской связи русского, украинского и других народов. Русская женщина Мария Александровна Вилинская, проведя значительную часть своей жизни на Украине, сумела хорошо узнать украинское крестьянство, проникнуть в его психологию, творчески освоить поэзию его песен и сказок, овладеть тончайшими оттенками живой украинской народной речи и стать автором замечательных произведений, которые И. Франко относил к первостепенным образцам классической украинской литературы.

Одновременно с этим писательница создавала на русском языке новеллы и повести из русского народного быта, отразив в своем творчестве общность исторических судеб и освободительных устремлений украинского и русского порабощенного крестьянства. Она была современником, другом и единомышленником Шевченко, Писарева, Чернышевского, Некрасова, Добролюбова, Герцена, Щедрина, развивала в русской и украинской литературе их вольнолюбивые традиции.

Ее произведения отличались острой социальной направленностью, постановкой актуальных, животрепещущих вопросов предреформенной и пореформенной эпохи. Сто лет назад, в волнующий переломный момент русской жизни, накануне крестьянской реформы, когда все лучшие силы страны вступили в напряженную политическую борьбу за освобождение многомиллионных масс деревни от крепостного рабства, вышел из печати первый сборник молодой писательницы, выступившей под именем Марко Вовчок, — «Народні оповідання». Ярая антикрепостническая направленность «Народних рассказов», сказанное в них новое, сильное и смелое слово о «могучем гуле» народной жизни произвели большое впечатление. «...В те годы вся образованная Россия ушлась за судьбой его героинь-крестьянок», — свидетельствует один из современников писательницы.

Тургенев, Шевченко и Добролюбов горячо приветствовали писательницу и способствовали распространению ее произведений. На протяжении 1858 года Марко Вовчок перевела большинство «Народних оповідання» на русский язык. Вскоре Тургенев осуществил новый перевод всех рассказов сборника, и они вышли в 1859 го-

ДВА МИРА

ЛАНДИНГ ЗАУВРНИ, один из первых советских литературных сборников, в 1921 году выпустил в свет книгу «Два мира» — о гражданской войне в Сибири. М. Горький высоко оценил эту книгу, он видел ее на столе В. И. Ленина и отмечал, что «социальная польза книги этой значительна и совершенно неоспорима. Написал ее человек весьма даровитый».

Роман «Два мира» не передала своим друзьям. Тем отчаяние, что издательство «Советская Россия» включило его в серию книг о первых годах революции и на днях выпустит с предисловием М. Горького и статьей А. Югова, рисующей живую картину Зауралья — человека и литератора.

КНИГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКЕ

ПОЛТОРА ГОДА назад в «Правде» была напечатана статья секретаря Центрального Комитета Французской компартии Маша Дюкло «Рабочий класс и пролетарский интернационализм». В этой статье Маша Дюкло писал: «Русская революционерка Елизавета Дмитриева играла важную политическую роль и возглавляла женский батальон, борющийся против версальцев, когда они вошли в Париж».

Что же она это героическая русская женщина? О ее судьбе и делах рассказывает недавно изданная документальная повесть П. Червоничко «Дочь России». Автор ее, журналист, несомненно лет изучал архивы, побывал в местах, связанных с биографией героини повести — Елизаветы Лукиничны Дмитриевой. Он воссоздал образ выдающейся русской революционерки, прошедшей через многие этапы активной политической борьбы, Эмигрировала за границу, была в Париже, в Женеве, в Лондоне, в Берлине, в Мюнхене, который называл ее своим лучшим русским другом. Во время Парижской коммуны отдала дочь России героическую жертву на баррикадах за народное дело. Вот почему имя этой замечательной женщины было чуждым для нас, советских людей, хотя мы столько вспоминаем в нынешней Французской коммунистической партии.

Книга выпущена издательством «Советская Россия». Издательство «Советский писатель» выпустило сборник произведений В. И. Ленинна «Источники силы». Книга названа по одноименному рассказу. В сборник вошли также: большой рассказ «Достоинство», повесть «История инженера Ганьшина», серия очерков о Дагестане и другие произведения.

«ИСТОЧНИК СИЛЫ»

Издательство «Советский писатель» выпустило сборник произведений В. И. Ленинна «Источники силы». Книга названа по одноименному рассказу. В сборник вошли также: большой рассказ «Достоинство», повесть «История инженера Ганьшина», серия очерков о Дагестане и другие произведения.

В них мы не встретим прямых публицистических призывов к борьбе, грозных инвектив, бросаемых в лицо угнетателям. Марко Вовчок избирает иную форму художественного изложения. Для нее характерна манера «сказа», повествования от первого лица, причем автор как бы полностью перевоплощается в рассказчика, входит в его психологию, его круг понятий и привычек. Характерен самый образ рассказчика. Иногда это бывалый, старый «чумак» или опытный «дядько» («Чумак», «Выкуп»), иногда молодая девушка («Сон»), но чаще пожилая женщина-крестьянка, многострадальная и потому печальная, но чуткая к чужому горю и страданиям («Одарка», «Сестра», «Юзачка»).

Характерной особенностью первых рассказов Марко Вовчка является также их органическая близость к украинской народной традиции. В «Украинских народных рассказах» мы встречаем и фольклорные типичные, и многочисленные пословицы и поговорки, исполненные нерелегиозного социального звучания («найналася, як продалася», — говорит батрачка-«сестра» из одноименного рассказа; «про вова промова, а вовк у хату», — говорит крестьянка о приходе пана). В стиле народных песен выдержаны многие диалоги и монологи персонажей. Музыкальность ритма, размерность ударений, повторяющиеся эпитеты и характерные сравнения — все приближает рассказы Марко Вовчка к духу и складу украинской устной поэзии. Причем в песнях и сказках, в народных пословицах и поговорках писательница всегда привлекает мотивы социальной несправедливости, отражение психологии народа, его прекрасной, вольнолюбивой души.

Высокие художественные достоинства «Украинских народных рассказов» — совершенство языка, бескомпромиссность стиля, тонкую прелесть пейзажа — отмечали даже либеральные критики. Но они нарочито противопоставляли богатство и свежесть изобразительных средств писательницы ее общепринятым тенденциям и старались развенчать ее произведения, наиболее острые в социально-политическом отношении. Между тем «Народні оповідання» отличались внутренней цельностью и единством настроения. В украинскую прозу Марко Вовчок внесла новый жанр социальной новеллы и повести, в котором все составные части — быт, природа, портретные характеристики — служат раскрытию острых социальных конфликтов.

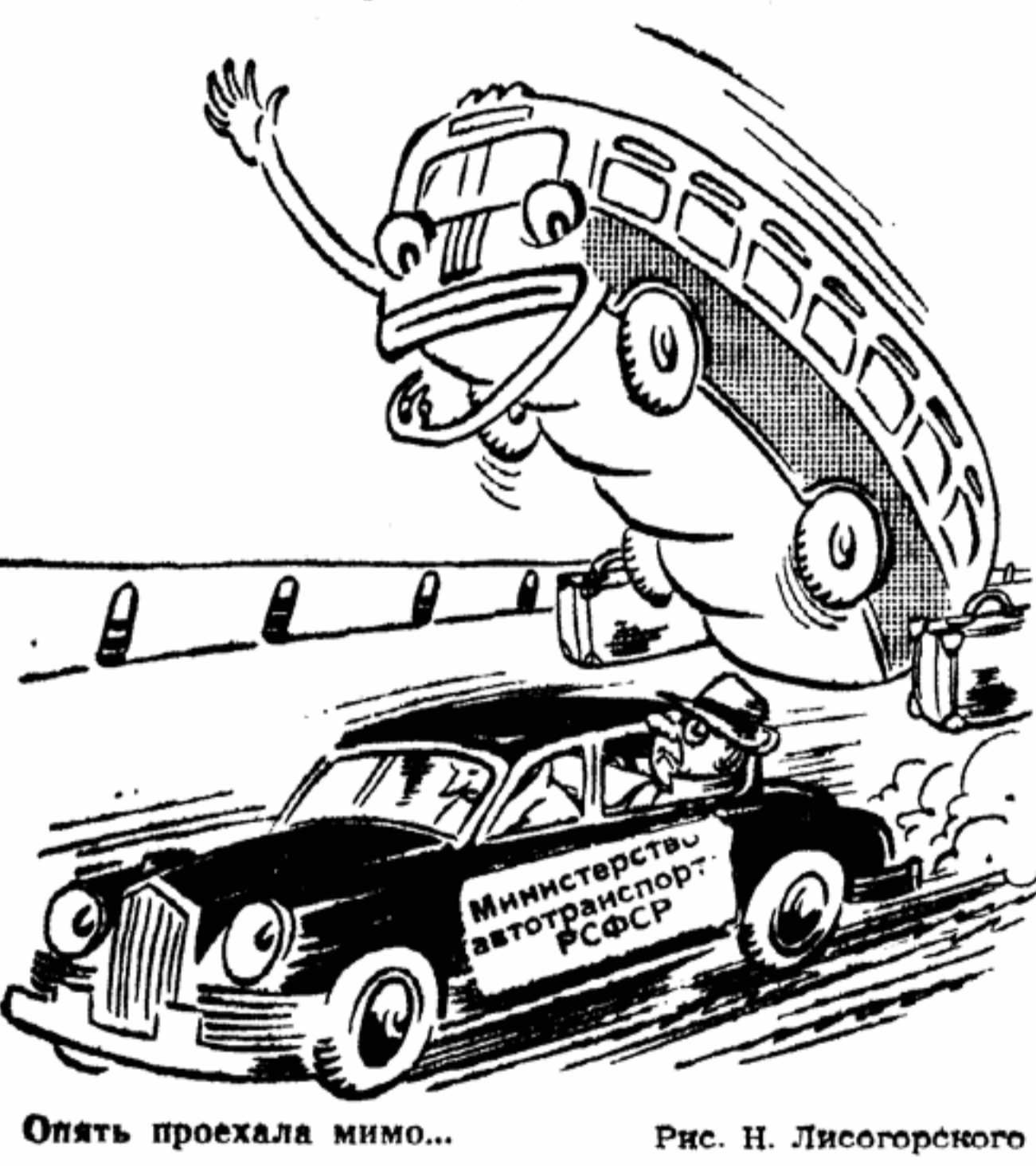
«Украинские народные рассказы» были началом творчества писательницы, началом блестящим и многообещающим. В дальнейшем сфера наблюдения Марко Вовчка все более расширяется, усложняются и творческие искания. Она пишет «Рассказы из русского народного быта», сходные по идеям, но настроению с первой книгой. Она становится автором психологической повести из народного быта («Три судьбы», «Павло Чернокрыл»), создателем революционной сказки («Затейный», «Невольничья», «Пармелю»), художественного очерка («Письма из Парижа»), романа из жизни интеллигенции, в котором остро обличает ренегатство либералов и прославляет деятельность «новых людей» — революционных разночинцев («Живая душа», «В глуши», «Отдых в деревне» и др.). Ее перу принадлежат также интереснейший антилиберальный роман «Занесенный», творчество писательницы, несомненно, занимает почетное место в истории русской демократической беллетристики 60—70-х годов.

Творчество Марко Вовчка сыграло особенно большую роль в развитии украинской литературы и украинского литературного языка, ее традиции отразились в творчестве И. Нецуха-Левчицы и П. Мирного, Ю. Федьковича и И. Франко, М. Бодянского, В. Стефанюка, М. Черемшны и многих других выдающихся мастеров украинского художественного слова. Рассказы, романы и повести писательницы оставили заметный след и в русской демократической прозе. Слава Марко Вовчка перепахнула за рубежи нашей страны. Ее произведения с конца прошлого века переводились на французский, итальянский, немецкий, английский и другие языки. Но особенно широкий отклик нашло ее творчество в славянском мире, оказав наряду с поэзией Т. Шевченко немалое влияние на развитие реалистического направления в болгарской, чешской, словацкой и других литературах.

Высокий гуманизм революционно-демократической писательницы, ее задушевное, вдохновенное слово, истинное любя к народу и веры в его великие силы, светлые идеи братской дружбы между народами — все это делает имя Марко Вовчка и сегодня близким и дорогим народам Советского Союза и всему прогрессивному человечеству.

С общей идейной направленностью был связан своеобразный художествен-

Н. КРУТИКОВА

Опять проехала мимо... Рис. Н. Лисогорского

Карпаты должны остаться зелеными!

МОГУЧЕЙ стеной вдоль магистральных дорог стоит горный лес.

— У вас из-за леса и поля не видно! — можно услышать из уст человека, впервые приехавшего в Закарпатье. И в самом деле, с первого взгляда неосведомленному путешественнику может показаться, что карпатским лесам нет ни конца, ни края. Но так только кажется. Стоит свернуть машину вправо или влево от долины Тиссы, как взору предстанет вызывающий тревогу безрадостный пейзаж оголенных, обезображенных гор. А дальше, в глубине Карпат, в буковых массивах все громче звучат электрические пилы. Лес стонет от бесцеремонного вторжения гусеничных тракторов, мощных лебедок, волокущих по живому покрову земли гигантские хлысты деревьев, сметающих на своем пути и подрост — молодые деревья, и почву до самых камней.

Лес можно и нужно рубить. Без рубок он перерастет и погибнет. Но как рубить? Бук — ценная и редкая в нашей стране порода: она составляет всего 0,2 процента государственных лесов СССР. И ее нужно беречь.

Общезвестно, что заготовки бунки нельзя вести круглый год. Буковая древесина, спавшаяся летом, теряет свои драгоценные качества — гибкость и стойкость.

Бук надо рубить только зимой. Глубокий снег в горных лесах предохраняет подрост и почву от губительного воздействия трелевника. Об этом и писала «Правда» в июле 1956 года. Но, в результате равнодушия различных ведомств, горные леса Карпат вырубались по-прежнему хищническими методами.

Сплошная чрезмерная рубка леса в ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 24 июня 1958 г. № 75

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. В. ГЛАДКОВА ОТМЕЧАЕТ 75-ЛЕТИЕ РОЖДЕНИЯ И ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГЛАДКОВА

Чествование писателя

Пусть сберется голова, Но, невидя на седмце, Ок цементует слова, Пройдя путем «Лихой годовины»...

Не признающему покой, От всей души ему желаем — И впрямь, усталости не зная, Творить с «Энергией» такой!

Вл. ВОЛИН
Дружеский шарж И. ИГИНА

«МЕЛКОТЕМЬЕ» И ЕГО ЗАЩИТНИКИ

Слово «мелкотемье» в последние годы часто употреблялось в критических статьях центральных и республиканских журналов и газет для обозначения определенных явлений литературной жизни. Такие явления наблюдались, в частности, и в литературе Латвии. Не мудрено, что этот термин перекочевал и на страницы латвийской печати, и в лексикон творческих споров и дискуссий. Он встретил немало возражений. Одни писатели — их было меньшинство — вообще отрицали, что существует такое явление. Другие — их было значительно больше — признавали, что некоторые писатели, особенно молодые, зачастую отходят от глубокого, правдивого изображения жизни, от постановки больших проблем, проявляют тенденцию к облегченному или же одностороннему изображению действительности, берут нарочито узкие, камерные, бытовые темы. Но, признавая, что явление есть, они в то же время отвергали самый термин «мелкотемье». Нет тем мелких и крупных, утверждали они, писатель может писать на любую тему, важно лишь то, насколько успешно он ее разрешит. Третьи — сторонники «облегченного» изображения жизни — набрасывались на этот термин с еще большим жаром, вовсе не утруждая себя сколько-нибудь серьезными аргументами и желая только защитить само явление.

Думаю, что термин «мелкотемье» не так уж неудачен. В полемике, развернувшейся в Союзе писателей Латвии вокруг этого термина, часто упускалось из виду, что изображая художником тема неизбежно связана с его идейной позицией, с его пониманием действительности. Понятие темы, на мой взгляд, включает в себя освещение жизненных фактов с определенных позиций — эстетических, политических, идейных. Тема и ее решение определяют общественную значимость произведения, а поскольку идейные позиции советских писателей едины, то вопрос о большем или меньшем значении данной темы вполне закономерен. Больше того, в искусстве социалистического реализма он не только закономерен, но и обязателен. Изменение темы, сведения содержания к пустячку, к анекдоту, к поводу для самолюбивого любования формой характерны для реакционного, декадентского искусства. Вопрос о теме, а значит, и о содержании искусства особенно остро ставится у нас именно потому, что наша литература призвана не только правдиво изображать жизнь, но и активно участвовать в ее преобразовании.

Круг одних и тех же или схожих явлений жизни в разных произведениях может быть освещен с различных позиций. Тема только тогда становится крупной и значительной, когда позиция писателя, его отношение к изображаемому соответствует требованиям эпохи. Конечно, огромную роль играет то, насколько художественно убедительно автор реализует свой замысел. Можно значительную, большую тему испортить неумелым, беспомощным решением. Но я убежден, что писатель, позиция которого по отношению к изображаемому событиям, людям и явлениям (как бы они ни были сами по себе значительны) неясна или противоречива в отношении общества, при любом таланте заранее обречен на неудачу: новым словом, каким-то открытием его произведение стать не сможет.

Закономерна и нужна борьба нашей критики против невнимания к идейной стороне произведений литературы, против стремления некоторых писателей к темам проходным, бытовым, не имеющим общественного звучания, то есть борьбы против «мелкотемья». Но не сказать, что эта борьба была бы много успешнее, если бы часть критиков не вносила путаницы в понятия и терминологию и не затрудняла этим объективную оценку того или иного произведения.

Эта путаница, в частности, проявлялась в дискуссии, которую велла газета «Литература ун максла» по поводу детективной повести В. Ошпня «Яна» и рассказа З. Скуиня «Хроника одной ночи». Этому дайному, не очень квалифицированному и отнюдь не авторитетному спору о двух совершенно различных и к тому же вообще незначительных произведениях редакция почему-то дала явно неуместное название: «Беседа о партийности литературы». Какие разные точки зрения хотела вынести газета? На протяжении нескольких недель печатались диаметрально противоположные мнения о двух конкретных произведениях. Этот спор лишь наглядно показал, что в нашей критике еще часты субъективистские оценки и еще редки стремления обосновать свои выводы.

Рассказ З. Скуиня «Хроника одной ночи» мне представляется примером «мелкотемного» произведения. Время действия — суровая осень 1945 года в латвийской области Куреме, еще не очищенной от прачущихся в лесах фашистских солдат. По лесу к железнодорожной станции в полупустынной автобусе едут различные люди: молодой тракторист, девушка, мечтающая поступить в мореходное училище, ответственный работник, старый почтальон. В пути происходит авария, и посреди ночи эти люди оказываются лицом к лицу с бандитами. Тогда выясняется, что ответственный работник, шеголявший ура-патристическими фразами, просто трус и подлец. Шофер и молодые люди тоже трусы и тоже бегут. Лишь старый почтальон, умоляя бандитов не прикасаться к почте, трясущимся пальцем нажимает на спусковой крючок нагана, из которого он не умеет стрелять, и тут же падает, сраженный автоматной очередью.

Были ли такие люди, могло ли все это произойти? Были, могло. Но были в то время и другие люди, героически борющиеся за укрепление в Латвии советского строя. Изобразив в рассказе лишь апатичных, жалких пассажиров автобуса, автор противопоставляет их поведению только бессмысленный, фатальный выстрел почтальона Смилга. Почему это произведение мелко по теме? Потому что автор совершенно прочел в самом начале творческого процесса — в отборе фактов, в определении своего отношения к изображаемому им людям и явлениям. Беда З. Скуиня — в противоречии между субъективным замыслом и объективным результатом. Он хочет взять тему подвига — и упускает из виду, что в условиях 1945 года Смилга вовсе не герой, а лишь случайная и неслучайная жертва. Он хочет показать поведение различных людей перед лицом смертельной опасности.

Но поступками этих людей у З. Скуиня руководят слишком мелкие чувства и побуждения, чтобы подобный психологический этюд стал поучителем для читателей. Поэтому-то уже сама тема, как ее ни разрешишь, неверна и мелка. Поэтому же рассказ лишен исторической конкретности; правы те критики и читатели, которые писали, что герои З. Скуиня действуют как бы вне времени и пространства; так могли действовать и путники XVIII века, встретив на большой дороге разбойников в черных масках.

Но рассказ нашел защитников, и во главе их выступил видный латвийский писатель Эвалд Вилкс. Его доводы в пользу рассказа типичны для субъективистской критики, мало заботящейся об обосновании своих выводов. В полемике с критиком Р. Ласенбергом он высказал мнение, что произведение З. Скуиня «насквозь (!) партийно», так как «позиция писателя при изображении различных событий полностью отвечает позиции социалистической эстетики по отношению к таким людям и событиям», и З. Скуинь «в своем рассказе нигде не выдает в противоречие с тем, что советская эстетика считает хорошим и что считает плохим». Но разве не может быть мелким, незначительным рассказ, в котором плохие люди изображены плохими, а хорошие хорошими и где автор нигде не выдает в противоречие с тем, что у нас считается хорошим и что — плохим? Разве мы у нас же, в Латвии, не были свидетелями того (теперь, к счастью, это уходит в прошлое), как страницы газет, журналов и альманахов заполнялись многочисленными рассказами, все содержание которых сводилось к иллюстрированию нравственных заповедей: вредно пить и курить, нельзя обманывать жену и т. д. В смысле требований, выдвигаемых Э. Вилксом, в тех рассказах все было «на высоте»: негодяи были действительно мерки и отвратительны, а герои-резоны проносились хотя и скучные, но правдивые речи. И все-таки это не было настоящим, правдивым, активным искусством, было далеко от настоящей идейности, от задач времени, и все эти рассказы стояли гдето в стороне от истинного пути нашей литературы, знаменовали собой трусливое бегство их творцов от больших, волнующих задач современности.

В том-то и ошибка Э. Вилкса и тех, кто думает одинаково с ним, что они сводят дело лишь к тому, нарисовал писатель. Разве «мелкотемье» не начинается уже в процессе отбора материала и его усвоения писателем? И если отбор этот произволен, если тема не отвечает требованиям современности, если писатель ставит своей целью лишь фотографирование или копирование действительности, то писателю ничто не поможет, даже если он привнесет содержание произведения в полное соответствие с тем, «что такое хорошо и что такое плохо».

Социалистическая эстетика никак не может оправдать вознесения на пьедестал не настоящего, а мнимого героя эпохи. Почтальон Смилга умирает случайно и нелепо, не осознавая в бандитах своих социальных врагов, врагов своего народа, лишь пытаясь выполнить служебный долг. Подвиги почтальонов, охранявших письма и посылки, воспеваются не раз, начиная, скажем, с мускетеров Дюма. Да, когда почтальон защищает доверенную ему почту — это хорошо, когда не защищает — плохо. Но есть же разница между почтальоном, который погиб на сибирском тракте, спасая купеческие деньги, и дилleurом Нетте. Э. Вилкс пишет, что Смилга — «образец не выдуманного театрального героя, а настоящего, у которого такая благородная душа, что перед ним надо снимать шапку».

Но чувствам народа отвечает другое — склонение головы перед каждой из сотен могой героев, отдавших жизнь за Советскую Латвию — на фронте, в тылу у оккупантов или позднее, в борьбе против националистских и кулацких банд. Они или Смилга — настоящие герои

время? О них или о таких, как Смилга, следовало бы думать художнику, когда он избирает и решает тему, относящуюся к периоду, переломному в жизни народа?

Герой повести М. Вирзе «Всюду расцветают розы» Гирт Винау тоже остается один лицом к лицу с вооруженным и многочисленным врагом. Но он борется с ним сознательно и умирает на посту, дорого отдав свою жизнь. Тема героизма, мужества, тема горячей любви к своей Родине и ненависти к фашистским оккупантам, которую молодому писателю удалось разрешить с большим художественным мастерством, выдвинула эту повесть в ряд наиболее значительных произведений латвийской советской прозы последнего времени. Герои повести, гибнущие в бою за светлое будущее, — настоящие герои эпохи. Верное изображение конкретной исторической действительности, умелое подчинение материала основной идее произведения помоги М. Вирзе — создать волнующую, сильную и правдивую книгу.

Но сопоставление этих двух произведений З. Скуиня и М. Вирзе не должно вводить на мысль, будто большая тема непременно требует изображения выдающихся исторических событий и героев, что любое произведение о быте, семье должно быть автоматически зачислено в разряд «мелкотемья». Тема остается значительной, когда писатель исполняет то или иное событие для выражения большой, глубокой идеи.

Недавно в журнале «Карогс» появились два талантливых рассказа молодого прозаика М. Калндрувы. Один из них называется «В доме инвалидов», другой — «Хозяин богадельни Бабис». Среди изображаемых писателем, необычна для нашей литературы: это старики и старухи из инвалидного дома. Автор мог увлечься «экзотикой» материала, и легко представить, к чему это могло бы привести. Но М. Калндрува на судьбах этих людей с большой силой показывает, как капиталистический строй изуродовал и искалечил их души и жизни, и как новая жизнь находит пути даже в этом, казалось, навсегда сложном и душном. Большая гуманистическая тема рассказов М. Калндрувы (несмотря на «камерность» и непривычность их сюжетов) вводит их в магистральное русло нашей советской литературы, по которому она всегда шла вперед и развивалась.

Мелкотемье в литературе и субъективизм в критике — явления одного и того же порядка. Это прежде всего результат узости кругозора писателя и критика, отсутствия ясных, четких идейных позиций и критериев. Это также стремление пойти по пути наименьшего сопротивления, ибо для создания «мелкотемного» произведения достаточно знать азбуку литературной техники, а при писании субъективистской критической статьи можно пренебречь теорией литературы и объективными закономерностями литературного процесса. Оба эти явления объединяет провоз — возведение своего «мне нравится» в единственную меру ценности произведений искусства.

Сейчас все большее количество примет указывает на то, что «мелкотемье» в литературе — детская болезнь, от которой молодые писатели Латвии уже успешно избавляются. В последнее время заметен рост тех молодых писателей и поэтов, которые всеерьез задумываются о направлении своего творчества, требовательнее к нему относятся, пристальнее вглядываются в жизнь, напряженно учатся.

Одно только стремление к оригинальности, даже если оно сопутствует незаурядный талант, еще не делает искусство и не спасает художника от ошибок, когда он забывает о значении идейно-тематического замысла, об общественном значении литературы, о ее партийности. И наоборот, когда волнующая писателя тема отвечает требованиям времени, запросам народа, — рождаются выдающиеся, интересные произведения.

Р. ТРОФИМОВ

Новые стихи

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

ПАДУН

Мне говорили, что Падуна,
Как диний зверь, ревет,
Струей тяжелой, как чуток,
По валунам он бьет.
...
Я слышу гром бетонных плит
И мелких звуков град,
Но я не слышу, как гремит
Падушский водопад.
...
Он выглядит почти ругным
Он стал неслышным здесь,
Где над иппенем вечным
Грохочет стройка ГЭС.

ПИСЬМА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Равнение на жизнь

НЕОБЫКНОВЕННЫМ творческим подъемом отмечены нынешние дни на Кубани. Соревнуясь с Айовой, кубанцы уже обогнали передовый американский штат по производству молока на сто гектаров сельскохозяйственных угодий, а теперь стремятся опередить его и по производству мяса. Они обзавелись в ближайшие семь лет довести площади под садами и виноградниками до шестисот тысяч гектаров, решили построить 178 крупных винодельческих заводов и в течение десяти лет увеличить переработку винограда примерно в двадцать раз. Они намерены расширить посадку сахарной свеклы и уже в 1960 году хотят давать сахара столько, сколько сейчас вырабатывается в Англии.

Без преувеличения можно сказать, что здесь, на Кубани, проходит неяркий, но вполне реальный передний край мирного соревнования: кто кого оставит позади в производстве материальных благ — капитализм или социализм? Это стало сейчас делом чести каждого кубанца — а станция и в городе. На безостановочном здании в Краснодаре можно увидеть одни и те же призывы: «Переворотом Соединенные Штаты Америки!» «Превратим Кубань в фабрику молока, мяса и масла!»

КАК ЖЕ в этой всенародной борьбе участвуют, какое место в ней занимают кубанские писатели? Надо признаться: собираясь на Кубань, я знала всего два-три писательских имени, связанных с этим краем. Немногим больше имен назвали мне и московские литераторы, к которым я обратилась за справкой. Не обогатили мои знания в этой области и центральные газеты, журналы: статьи о кубанских авторах в них печатаются очень и очень редко.

Один из секретарей Краснодарского райкома партии с гордостью рассказывал мне о работе многочисленных литерату-

их будущем пополнении. Столь мощным «резервом», как на Кубани, может похвалиться писательская организация далеко не всякой области и республики. И «резерв» этот возник не случайно, он не растет сам по себе, он любовно, терпеливо, повседневным выращивается старшими товарищами по перу. Какой это поучительный пример!

Что же касается самой писательской организации Краснодарского края, то сейчас она насчитывает 15 человек. Еще три года назад в ней было только четыре человека — организация выросла в основном за счет вчерашних литераторов-жнецов. Теперь это — активный, жизнедеятельный, поистине творческий коллектив. В нем есть интересные авторы, чьи произведения перешагнули границы края. Хорошей особенностью кубанских писателей является пристальный интерес к современности, к трудовым будням советского человека, к проблемам морали.

ЧИТАТЕЛИ альманаха «Наш современник» в прошлом году обратили внимание на очерк «Два холостяка». Уже с первых страниц его чувствовалось, что автор прекрасно знает и кубанскую станцию, и работу МТС, и сложное взаимоотношение между машинно-тракторной станцией и колхозом. Писатель восторженно говорил о том, что прежняя система организации работы МТС изживает себя, что в интересах дальнейшего развития сельского хозяйства ее, эту систему, необходимо менять.

Кто же он, этот человек, так зорко подметивший ростки нового? Бывший агроном МТС Вячеслав Пальман, долгие годы проработавший в станции Динской, под Краснодаром; кроме указанной книги (в Краснодарском издательстве она выйдет под названием «Судьба моих друзей») он написал повесть «События на хуторе Вышняки», опубликованную в альманахе «Кубань» и в «Нашем современнике», приключенческую повесть «Кратер Эршота», напечатанную в журнале «Вокруг света». Недавно им дана в местное издательство третья повесть о колхозной современности — «Река выхлест из берегов».

Большой знаток современной станции Александр Мищик — колхозный счетовод из Белореченского района — печатает свои глубокие, проблемные очерки в краевых изданиях и в московских журналах.

Своеобразным, тонким рассказчиком показал себя Леонид Пасенков, в прошлом матрос рыбачьего сейнера. Впечатления юношеских лет дали ему богатый материал, послуживший основой для двух сборников рассказов «В нашем море» и «Цветные паруса», а также для повести об италоагках «Анна Пересвет», которая была напечатана в журнале «Дон». Затем Пасенков выехал в тайгу, к искателям алмазов, несколько месяцев проработал в экспедиции коллектором и вернулся оттуда с новым циклом рассказов, частично опубликованных в «Огоньке», и с новой повестью, которая напечатана в журнале «Молодая гвардия».

Его сверстник Виктор Логинов первое свое произведение «Дороги товарищей» посвятил юности. Работая в районной, а затем в краевой газете, он увлекся колхозной тематикой и за короткий срок выпустил в Краснодаре две книги: «Анютины глазки» и «Осенние вензель», а в журнале «Нева» опубликовал маленькие повести «Начало пути» и «Дашка из Садовниц».

Владимир Монастырев, известный как автор военных рассказов, после демобилизации из армии выступил с новой темой — о людях гор: изыскателях и лесорубах, лесниках, сплавщиках леса и чабанов. Его сборники «На перевале» и «Люди в горах» тепло встречены читателями. Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла новая книга В. Монастырева «Горная баллада».

Далеко за пределами Кубани известен краснодарский драматург Николай Вишняков. Лучшие из его пьес — «Степь широкая» и «Юга цветет акация» обогнали многие театры страны и пользовались заслуженным успехом у зрителей.

Поистине мировое признание получил краснодарец Александр Степанов, создавший роман «Порт-Артур». Несмотря на преклонный возраст, писатель активно продолжает литературу деятельности — в этом году он сдал кра-

роде родного края, педагог «Виталий Бакадин, талантливо, с добрым юмором пишущий стихи и поэмы о молодежи, способный детский поэт Иван Белыков».

Надо надеяться, что эта творческая и организационная помощь кубанцам будет теперь расти и крепнуть, что писатели Кубани все больше будут втягиваться в орбиту общероссийской и общесоюзной литературы.

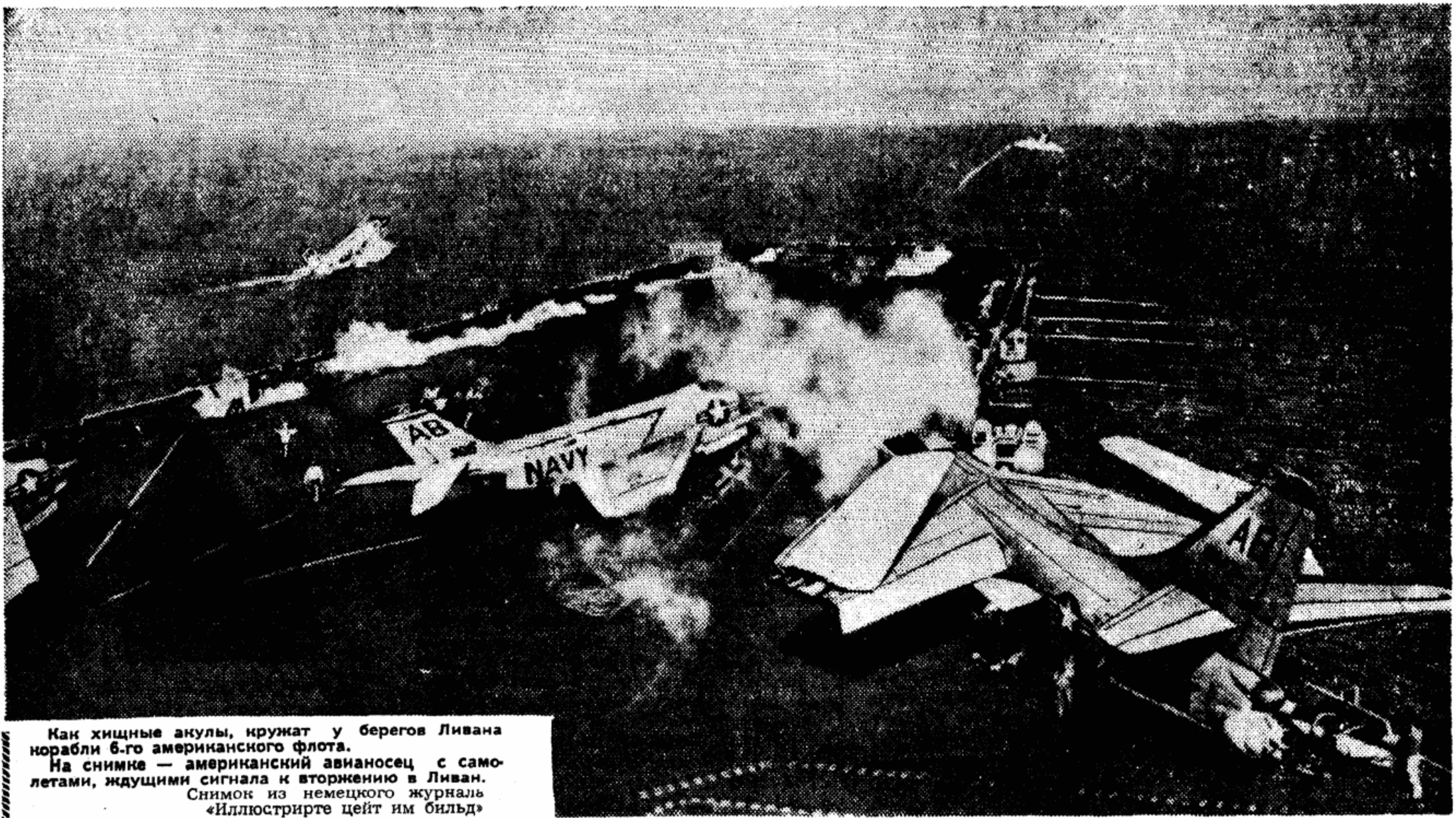
Конечно, многое здесь зависит и от них самих. Сейчас, когда край вышел на передовую линию соревнования с капиталистическим миром, стал опытным полем всего Советского Союза, они по-особому четко обязаны держать равнение на жизнь, создавать произведения, достойные этой великой борьбы, произведения, которые бы вдохновили и красочно поведали не только советскому народу, но и зарубежному читателю о том, как достигается победа.

Высокие, благородные цели влекут тружениками Кубани. Столь же высокие цели встают и перед кубанскими писателями. Они должны решительно отказываться от мелкотемья, от поверхностного изображения жизни, от узкой, «областной» оценки событий и явлений, повседневного, скучного совершенствования своего профессионального умения, овладеть высотами писательского мастерства.

Это понимают и сами писатели Краснодарского края. Связь с жизнью, повышение мастерства — вот вопросы, которые больше всего волнуют флешных литераторов — и начинающих, и профессионалов. Не случайно на своем отчетно-выборном предсъездовском собрании, состоявшемся недавно, они поставили доклад на такую животрепещущую тему: «Отражение жизни колхозной деревни в произведениях писателей Кубани».

Как за весной незаметно прихлещет лето, так и к писателям Кубани придет пора зрелости, пора сбора обильных плодов. Надо только как следует, не жалея сил, потрудиться.

Е. ЛОПАТИНА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Как хищные акулы, кружат у берегов Ливана корабли 6-го американского флота. На снимке — американский авианосец с самолетами, идущий под сигналом в Ливан. Снимок из немецкого журнала «Иллюстрирте дейт им билде»

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ПРИЗНАНИЯ

ВОТ ОН — ПЛАН АГРЕССИИ!

«Англия и Соединенные Штаты прибегнут к вооруженной интервенции в Ливане, если положение там не улучшится в скором времени.

13 июня лондонская газета «Ньюс кро- никл» поместила на первой странице под крупным заголовком «Союзники готовы вмешаться при ухудшении положения на Среднем Востоке. План высадки в Ливане» сообщение, которое мы воспроизводим с незначительными сокращениями.

Официально пере- броска войск на Кипр производится в связи с ухудшением там внут- реннего положения и в Л. Военное министерство вчера вечером заявило: «В связи с ухудшением внутреннего положения на Кипре туда в качестве меры предосторожности будет отправлен один усиленный батальон парашютистов и бригады».

Детали совмест- ных планов стали извест- ны вчера, когда изва- стны в Вашингтон и когда в Лондоне был опровергнут слух о высадке со- вместного десанта в Ливане.

Для Запада и для НАТО вообще почти такое же важное значение имеет защита южного фланга Турции от арабского господства. Если повстанцы добьются новых успехов в Ливане, то президент Шамун почти наверняка будет просить помощи у Запада.

Каковы бы ни были надежды на то, что вмеша- тельство будет кратковременным, нет никакого сом- нения в том, что оно будет связано с проведением длительных полицейских действий.

Маловероятно, что Англия и Англия ослабит свое наблюдение до президентских выборов в Ливане, которые должны состояться в сентябре.

На Кипр сейчас отправляются те же самые парашюти- сты, которые две недели тому назад было приказано быть готовыми, чтобы содействовать эвакуации английских граждан из Ливана.

Достижута договоренность о том, чтобы амери- канские транспортные самолеты пользовались английской авиабазой на Кипре.

Не было и речи о том, чтобы либо Англия, либо Соединенные Штаты действовали «в одиночку». Стало понятно, что Англия впервые в ее истории не в состоянии предпринять такую экспедицию в оди- ночку. Если интервенция станет необходимой, она будет осуществляться под американским командова- нием...

Иными словами...

Существует ли в англий- ском языке слово «искренний»? Этот гребен- ный вопрос нам пришлось задать себе, читая статью «Ван Клиберна и московская премия», написанную Ирвингом Колоди- ном, постоянным музыкальным обозревателем нью-йоркского еже- недельника «Сатердей ревью».

Эти сомнения возникли значе- лее на чисто лингвистической осно- ве: привел в усеченном виде цитату из опубликованной в «Правде» статьи Д. Шостаковича, посвященной итогам Между- народного конкурса скрипачей и пианистов имени П. И. Чайков- ского, американский критик заме- нил в ней слово «искренне» на «чрезвычайно». Неточность при переводе, которой не следует придавать какого-либо значения, — может подумает читатель. Увы, дело обстоит совсем иначе.

На этой «неточности» автор ста- тьи возводит затем целое демого- гическое построение, позволяю- щее ему прийти к выводу о том, что надежда на улучшение отно- шений между США и СССР с помощью культурного обмена — «заблуждение». Вот каким путем проделана эта операция.

Шостакович писал в «Прав- де»: «Музыкальная обществен- ность США вправе гордиться своим юного соотечественника, тем более что (подчеркнуто нами. — Н. Р.) до сего времени музыкальные достижения этой страны создавались усилиями отнюдь не самих американцев, а прослав- ленными исполнителями стран европейского континента. Мы же, со своей стороны, искренне рады, что выдающийся молодой американский артист впервые получил широкое и вполне им за- служенное признание у нас в Мос- кве».

Ирвинг Колодино опускает подчеркнутые слова, заменяет «искренне» на «чрезвычайно» и увеличивает свою музыкальную проделку следующим выводом: «Ожидать, чтобы забота об истин- но определяла содержание такой статьи — это, возможно, требо- вать слишком многого. Но очевид- ный факт показывает, что с какой бы объективностью ни судили об игре Клиберна на конкурсе, в пропагандистской войне с автори- тарной страной вы не можете вы- играть. Иными словами, победа на конкурсе доказывает, какой выдающийся пианист Клиберн. А то, что эта победа одержана в Москве, показывает, насколько внимательнее к таким талантам русские, чем мы — невежествен- ные американцы».

Тем не менее, несмотря на всю эквилибристику рецензента одно- го из влиятельнейших в США еженедельников, ясно каждому, думается нам, совсем другое. Ясно, что в Америке имеются ऐसे люди, всячески пытающиеся по- мешать налаживающемуся куль- турному обмену между нашими странами, готовые лаять кричать «пропаганда» по любому по- воду, а за отсутствием такового, высвистывать его из пальца.

«Ожидать, что он (культур- ный обмен. — Н. Р.) существенно улучшит отношения между двумя странами, по моему мнению, заблуждение», — пишет Ирвинг Колодино. Но мы убеждены, что 171.000.000 американцев не поверят этому «ораклу». Мы убеждены в этом совершенно искренне.

Н. РАЗГОВОРОВ

Акт отчаяния

В АВГУСТЕ прошлого года моло- дой англичанин Роджер Холт эмигрировал вместе с женой в Австралию в поисках заработка. Они поселились в городе Перте. Шел день за днем, недели за неделей, но все попытки Роджера найти работу оставались тщетными. Оставив жену в Перте, Роджер поехал в Сидней в надежде на то, что судьба, наконец, улыбнется ему. Но и здесь его жа- лобное письмо, полное отчаяния. Их скромные сбережения пришли к ко- нцу. Если Роджер тотчас же не найдет работу, она будет вынуждена попро- сить родителей выслать ей деньги на обратный путь и вернуться в Англию с двухмесячной дочерью. «Дейли мирор» поместил сообщение, которое мы воспроизводим. За- головок гласит: «Он готов продать глаз, чтобы сохранить семью». Га- зета приводит слова Роджера Холта: «Когда я получу деньги, я смогу вернуться за какой-нибудь день и пе- реуезду в Сидней жену и ребенка».

О ЧИСТЫХ РОДНИКАХ И ОТРАВЛЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Некоторое время тому на- зад Норвегия посетила все- мирно известная датская писательница. Перед отъездом она дала интервью, в котором выска- зала мнение, что жанр романа уже пережил свое лучшее время, что форма романа устарела и обвет- пала.

Нам уже и раньше приходилось высказывать подобные заявления, и притом несчетное количество раз. Для меня лично они равно- силны предложению упразднить в музыке симфонию. Роман строится по симфоническому принципу. Ни- какая другая литературная фор- ма, как бы она ни была совершен- на, не может достичь такой выра- зительности, такой широты охва- та, как роман. Это элементарная истина.

Но как бы то ни было, заявле- ние датской писательницы свиде- тельствует о сдвиге в литера- турной среде. Недаром сканди- навских писателей стали назы- вать представителями «обесцен- ного поколения».

Однако, если послушать некото- рых критиков, западная литерату- ра кинит «генеральными» произ- ведениями. Просто голова кружит, когда начинаешь думать, сколько гениев в литературе Западе!

А потом вдруг слышишь заявле- ния, которые наводят на мысль, что западные писатели — это впавшие в детство старички и что прогресс вырвет проносится мимо закрытых окон их дома.

Разумеется, на самом деле по- ложение не так уж безнадежно. Но в писательской среде царит неуверенность. К сожалению, твор- чения наших классиков — Ибсе- на, Бьёрнсона, Кьелланда и Юнаса Ли (последний, может быть, вели- чайший из них) — для молодых норвежских писателей преврати- лись в своеобразные «зубочис- ленки». Разумеется, в этом ни- сколько не виноват Ибсен. В этом повинны всякие ученые магистры — эпигоны и фальсификаторы истории литературы. Как извест- но, буржуазная наука фальсифи- цирует и историю литературы.

Атомная энергия, советские спутники Земли и другие открытия двинули нас на тысячу лет вперед. Нам приходит- ся вступать во владение миром, который был, вероятно, предна- значен для наших прадедов. Они должны были бы к тому времени накопить значительный опыт, трудный опыт, который подгото- вил бы их к существованию в этом новом мире. Настоящий пи- сатель, верный своему призванию, должен первым опутать, почув- ствовать и понять перемены, со- вершающиеся в нашей жизни, он обязан стать проводником но- вых идей.

Он должен умом и сердцем своим понять, что национальное и интернациональное связывают в наши дни в единый комплекс. Пи- сатель исходит из национального, чтобы идти к интернациональному. Источник вдохновения всегда на- поволенно окрашен. В этом сила писателя. Всемирно известный композитор Эдвард Григ и, пожа- луй, величайший норвежский сердцевед Арне Гарбог так и формулировали: «Через национа- льное к интернациональному». Можно добавить еще один хо- роший чисто норвежский афоризм: «Писатель, который не умеет любить камни мостовой на улице своего родного города в своей ро- дной стране, не может быть гра- жданином вселенной».

Как же в этом смысле обстоит дело в сегодняшней Норвегии?

СРЕДИ МОЛОДЫХ норвежских писателей есть люди та- лантливые. Но их творче- ство лишено цели, значи- тельной цели. Продукция норвежских издательств носит на себе печать влияния могущественных реакционных кругов, которые пы- таются вбить клин между народом и литературой, то есть писателями.

Введенный в заблуждение чи- татель начинает думать, что нор- вежская литература — это ка- кая-то частная некоего сыщика, выплывающего издательствами За- пада.

В этом есть крупная истина. Однако, несмотря на то, что со- временные норвежские писатели связаны с тысячелетней нацио- нальной традицией, которая отлич- ается от других национальных традиций. Норвежская история на- ложила отпечаток на норвежскую литературу и ее проблемы. А те- перь университетские ученые пы- таются уверить норвежских пи- сателей, что они должны искать выхода на путях «чистого ин- теллекта». Они, правда, не го- ворят это открыто, но всячески просят отступить эту точку зрения, реакционнейшую точку зрения.

Но когда писатель соприкасает- ся непосредственно с народом, он начинает мыслить иначе. Толь- ко в контакте с народом — путь к возрождению норвежской лите- ратуры.

Не будем называть норвеж- ским писателям какие-либо ре- центы творчества. Это бессмыслен- но. Это — занятие магистров нор- вежской литературы, которые только запутывают дело. Но где источник народной литературы, со- циальной, национальной тради- ции? Где живительный родник, из которого может черпать молодая норвежская литература? Где она должна искать свои проблемы?

Этот источник — в жизни на- рода, он в лесах и в суровых прибрежных районах нашей роди- ны. Только соприкоснувшись с жи- знью народа, может обновиться своеобразное, национальное норвежское повествовательное искус- ство. Сталь сгущается не умер. И мы видим, как традиционная норвежская форма повествования про- бивается к жизни. Это наше мо- гучее оружие против иностранного вторжения, против американского влияния. По-моему, это тяготение к национальной повествовательной традиции не случайно. Литерату- ра слишком долго топталась в ре- акционном фрейдистском болоте, и обнаружилась это только тогда, когда увидела в нем по уши.

Впрочем, и некоторые буржуаз- ные писатели тоже стремятся пре- одолеть отдельные помехи в лите- ратуре. Например, все эдиноуно- но считают, что надо покончить с коммюнизмом.

На норвежском книжном рынке коммюнизму получили огромное рас- пространение. Приведу пример. Один социал- демократ, член профсоюза, в ответ на приглашение секретаря проф- союза явиться на собрание, за- явил:

«Только не в понедельник, это газетный день».

Советскому читателю эти слова просто непонятны.

А все дело в том, что в пове- дельник выходит куча скверных еженедельных изданий. И этим чтением, которое не только обedia- ет, но и разлагает человека, про- баждаются некоторые круги Нор- вегии.

Норвежские писатели пишут об этом, но не борются с этим.

А разве не ясно, как это отра- жается на норвежских писателях и на норвежских читателях, в первую очередь на молодом поко- лении — на нашем будущем?

Поверьте мне, интеллигенция в СССР плохо представляет себе размеры этой трагедии. Другая моя, задавайтесь над этим! Речь идет о проблеме, касающейся все- го западного мира. То, что мы на- зываем Западом, отравлено лите- ратурой коммюнизма. Коммюниз- м колбасит отравляет норвежца те- мами, сюжетами, языком и пре- де всего комплексом представле- ний, которые совершенно чужды национальному норвежскому ха- рактеру. Они оказывают губитель- ное влияние на сознание подра- стающего поколения.

Писатель вырастает на народ- ной почве. Он не может уподоб- иться одинокому гениальному растению, которое живет за счет собственных соков. Писатель по- ностью зависит от почвы, которая его вскармливает. Он может расти посреди поля, может держаться где-нибудь с края. Но тогда ему придется ограничиться изучением собственной, мало интересной судьбы.

Ни один человек, и в частности писатель, не может опередить свое время. Ни на один час. Он может превидеть что-то, что появится завтра. Но корня этого грядущего должны быть заложены в настоя- щем, в современности.

Тот, кто обладает марксистским ключом к пониманию жизни об- щества, хорошо знает, что мы мо- жем правильно судить о будущем, только исходя из глубокого позна- ния современности, и это помога- ет нам чувствовать себя уверен- ной в нынешнюю эпоху разброда и неуверенности на Западе.

Московский театр Сатиры, как мы знаем, имеет в своем репер- туаре и «Баню» Маяковского. Многие выражали сожаление, что советские гости не показали нам этот спектакль. Но мы и так увидели очень много. И надеемся, что гастроли Московского театра Сатиры по- буздят и наши театры к более глубокой и систематической ра- боте над творениями Маяков- ского-драматурга.

Ян ШЕПАНСКИЙ
ВАРШАВА

Мы не забудем

ДВА месяца назад расстался мы — группа совет- ских ветеранов вой- ны — с нашими друзьями в Польше, где присутствовали на традиционном празднике Недели участников движения Сопротивле- ния и 15-летия восстания еврейского гетто в Варшаве.

Теперь мы вновь встретились с ними. На этот раз — в Москве. Их делегация прибыла по приглашению Советского коми- тета ветеранов войны. Среди членов делегации, в состав кото- рой входят член ЦК ЦКПР Иван Изидорчик (руководитель делегации), председатель междуна- родного комитета Освенцима Тадеуш Холуб и другие, — мой пар- тизанский друг полковник Иосиф Собески. Вместе с ним мы вспоми- наем трагические и героиче- ские события прошлого.

Пятнадцать лет назад в вар- шавском еврейском гетто вспых- нуло восстание против гитлеров- ских оккупантов. Во главе вос-

Мы не забудем

ставших стоял штаб, которым руководил еврей-коммунист Иосиф Левартовский. В течение долгих дней восстания оказыва- ли героическое сопротивление на- рательным немецким войскам. Район гетто был до основания разрушен немецкими пушками и огнеметам, немногие из участ- ников восстания остались в жи- вых. В сентябре 1943 года был зверски убит в гестапо и Иосиф Левартовский...

Тогда, во время пребывания в Варшаве делегации советских ветеранов войны, у подножия памятника Героям варшав- ского гетто состоялся многолюд- ный митинг. Со ступеней поста- мента памятника на польском, русском, французском, немецком, еврейском языках торжественно звучал слова обращения ко всем людям доброй воли с призы- вом к борьбе за мир, за прекра- щение испытаний атомного и тер-

Мы не забудем

моядерного оружия, за дружбу между народами...

...Почти четырнадцать лет прошло с тех пор, как советские солдаты 27 января 1945 года распахнули железные ворота Освенцима с циничной надписью «Труд делает свободным». Но и сейчас содрогнешься, когда вхо- дить на территорию лагеря. В Освенциме организуется музей.

Тяжело, очень тяжело еще раз напомнить и писать о том, что было в Освенциме...

Но это нужно, обязательно нужно сейчас, когда из-за океана вает, бросая черную тень на народы, составляя призрак мас- шовской атомной смерти...

...Накануне возвращения из Польши на Родину я разыскал своего старого боевого друга — капитана Макса. Конечно, в солидном полковнике Войска Польского Иосифе Собески не сразу узнаешь лихого партизан- ского командира, носившего кличку «Капитан Макс», с отря- дом которого наша диверсионная группа повстречалась 7 июня со- рок третьего года в небольшой, окруженной лесами украинской деревушке Галузье.

С тех пор и повелась наша партизанская дружба. Конечно, Иосиф Собески за- таскил нас к себе, в свою уютную новую квартиру. Мы припомнили мельчайшие под- робности и происшествия, имен- но товарищеские названия сел, железнодорожных станций. Макс познакомил нас с женой, с сы- ном — похожим на него светло- волосым крепешком — и с гор- достью сказал, что сын работает на заводе.

А потом, уже далеко за полно- чью, Макс провожал нас по без- людным, мокрым от дождя улицам Варшавы. Мы шли мимо ста- рых, много переживавших на своем веку домов, на которых еще сохранились кое-где военные шрамы — нарывники и выбоины, и мимо только что острогнанных...

Разве не потому так прочна наша дружба — святая солдат- ская дружба, что она скреплена кровью, пролитой на полях сра- жений, и общим горем в годы войны, а сейчас — общим ра- достным трудом, строительным социализма? И с еще большей силой, во- весь рост встает гуманизм, безза- щитное мужество советского сол- дата, освободившего мир от ужа- сов Освенцима, Майданака, Тре- блинки, и мужество наших боевых товарищей — польских солдат и партизан, сражавшихся в годы войны в одном строю с нами...
Вл. ПАВЛОВ

ВРЕТ, КАК «ВАТАН»

«ВРЕТ, как злободнев», — говорят французы. «Врет, как газет- ный счетчик», — говорят англичане. Но почему же злободнев- ное врет? И разве не бы- вает верных газетных счетчиков? Нет, куда точнее была бы по- говорка: «Врет, как «Ватан»». «Ватан» — это турецкая газета, сотрудни- ки которой отличаются неумеренной фанта- зией. Впрочем, в предлагаемой на- ми поговорке на место «Ватан» можно поставить названия и ко- екаких других конкурирующих с нею буржуазных турецких газет.

Ну, какой злободнев (не говоря уже о газетных счетчиках) сумел бы так непринужденно и оригина- льно преподнести факт, каза- лось бы, столь же ясный, как апельсин (хотя гораздо хуже пахнущий). Вот он, этот факт: с аме- риканских баз на турецкой терри- тории частенко стартуют амери- канские самолеты и баллоны с ан- тикоммунистическими листовками, предназначенными для «разоблаче- ния» населения Советского Союза и стран народной демократии и обращения его в «долларовую ве- ру». И вот недавно довольно соли- дная партия этого «духовитого» груза... нет, не полетела, — а была обнаружена турецким населением в других районах. Грязные анти- коммунистические листовки на рус- ском языке по ошибке были сбро- саны по эту сторону границы... Что тут делать? Возможно ли бо- лее несомненное подтверждение того, что воздушное пространство Турции используется американскими самолетами для нарушения

С ПОЛИЦЫМ!

«ВРЕТ, как злободнев», — говорят французы. «Врет, как газет- ный счетчик», — говорят англичане. Но почему же злободнев- ное врет? И разве не бы- вает верных газетных счетчиков? Нет, куда точнее была бы по- говорка: «Врет, как «Ватан»». «Ватан» — это турецкая газета, сотрудни- ки которой отличаются неумеренной фанта- зией. Впрочем, в предлагаемой на- ми поговорке на место «Ватан» можно поставить названия и ко- екаких других конкурирующих с нею буржуазных турецких газет.